

Введение

Объективное изучение отечественной истории и особенно ее советского периода, как известно, долгие годы находилось фактически под запретом. Тогда исследованиями нашей новейшей истории занимались главным образом зарубежные ученые. Лишь во второй половине 1980-х гг., в начале перестройки, стали выходить статьи российских историков, по-новому освещающие сложный и противоречивый период в истории страны. Сама современная историческая наука переживает нелегкий, «революционный» этап в своем развитии, характеризующийся многообразием новых теоретических проблем, цивилизационных моделей, методов исторического исследования. Пока существует определенный крен в сторону так называемых микроисследований (отдельных тем, процессов, периодов и т.д.), осмысление глобальных историко-политических процессов (макроисследования) — в отечественном и мировом контексте — гораздо более сложная и потому совсем не скорая задача. Изучение же проблем советской политической истории имеет сегодня не только научное, но и важное практическое значение — до сих пор в обществе ведутся дискуссии о результатах октябрьского переворота 1917 г., о выборе пути развития страны, начатые в годы оттепели (в силу своей актуальности порой довольно эмоционально окрашенные). Дальнейшая их разработка — одна из насущных задач отечественной историографии.

В центре внимания ученых политическая система, которая сложилась в стране при Сталине и в течение долгих лет называлась социалистической. В настоящее время идет переосмысление и переоценка социалистических ценностей. Некоторые историки скептически относятся к самой социалистической фразеологии как схоластической, не отражающей сути происходивших процессов. Не вдаваясь в историю вопроса, скажем следующее. Общественная практика в нашей стране не подтвердила правоту марксистско-ленинской теории. На основе однопартийной власти и государственной собственности не удалось достигнуть

главной цели социалистического переустройства общества — реального народовластия и социальной справедливости. Исторический опыт доказал обратное: общество социального благополучия и политической демократии может сложиться на базе рыночной модели экономики и правового государства. Именно поэтому сегодня говорят о шведском или германском «социализме», сумевшем обеспечить людям достойный уровень жизни и равные возможности. Однако понятие «социализм» до сих пор широко употребляется в исторических исследованиях. Одни авторы используют его со знаком «плюс» и по-прежнему гордятся минимальными социалистическими (социальными) завоеваниями, другие применяют термин «социализм» как исторически закрепившееся самоназвание для обозначения общества с однопартийным государственным устройством и централизованной экономикой, часто добавляя к нему прилагательные, делающие поправку на специфику советского социализма, — называют его сталинским, государственным, казенным.

По мнению автора, советская политическая система более всего подпадает под определение тоталитаризма. На формирование тоталитарного режима оказала влияние целая совокупность политических, экономических, внешнеполитических, социальных и психологических факторов. Важнейшие из них — неразвитость капиталистических отношений в дореволюционную эпоху, традиционная авторитарность российской власти и связанный с ней менталитет общества. Коммунистическая идеология достаточно органично соединилась с общинным, коллективистским массовым сознанием и привычкой к «обожествлению» власти.

Однако тоталитарная теория не объясняет всей многогранности и сложности общественно-политического развития страны, и пользоваться ею можно лишь условно. Проводившаяся в СССР модернизация общества (переход от традиционного к индустриальному и постиндустриальному) была аналогична процессам, происходившим в развитых странах, но в силу сложившихся исторических условий осуществлялась преимущественно насильственными (в сталинское время) и административными методами, имела запаздывающий или догоняющий характер. Появление необходимого для модернизации образованного и чуждого духу авторитаризма общественного слоя (техническая и гуманитарная, творческая интеллигенция) привело к нарастанию противо-

речий в советском обществе. Сам человек развивается быстрее, чем созданные им системы машин, — именно он, его интересы и права определяют вектор развития человеческой цивилизации. На первый план в мировом постиндустриальном пространстве стали выдвигаться задачи демократического переустройства жизнедеятельности людей, развития личности. Историки Л. А. Королева и А. А. Королев пишут: «Уровень демократии является показателем политической, экономической и культурной зрелости общества, одним из основных факторов его прогресса. Демократия выступает фокусом социальных проблем современного мира». Эта мировая тенденция «пробивала себе дорогу» и в недрах советского общества. Даже в сталинскую эпоху режим не являлся в полной мере тоталитарным — неподконтрольные проявления общественной и культурной жизни то и дело давали о себе знать. В годы же хрущевской оттепели необходимость демократических преобразований определила политику реформ, начатых — уже по традиции в России — «сверху». «Монолит» советской ментальности, скреплявший тоталитарную систему, стал размываться. Понятия «власть» и «народ» (а точнее «государство» и «общество») стали приобретать свой собственный смысл.

По мнению ряда историков, в первые после Великой Отечественной войны годы политическая система в стране укрепилась и стабилизировалась. Советский Союз победил в тяжелейшей войне, тем самым продемонстрировав миру преимущества социалистического строя (в военное время это оказалось во многом так благодаря мобилизационному, командному ресурсу, эффективному именно в экстремальных условиях), силу духа советского народа, мощь военизированной экономики. Коммунистическая идеология соединилась с великодержавной национальной риторикой, однако и интернациональные принципы не были забыты совсем — расширилась орбита советского влияния на мировой арене («соцлагерь», «дружба» с развивающимися странами). Эти новые политические реалии, укрепившийся авторитет страны на международной арене (действительно определившие развитие страны на годы), несмотря на возврат к прежней политике конфронтации с Западом, позволили отдельным исследователям говорить о рождении еще одной — советской — сверхдержавы. Но так ли это, если уже через несколько лет после окончания войны началось постепенное разрушение фундаментальных основ советской системы?

Точкой отсчета нового исторического времени стал день смерти Сталина — 5 марта 1953 г., когда страна оказалась на своеобразной развилке и реально существовали различные варианты дальнейшего политического развития. Оттепель явилась переходом от классического тоталитаризма к стадии его разрушения. В 1950-е — начале 1960-х гг. происходит модернизация сталинского социализма, приведшая к последующей стабилизации политического режима в стране. Основные направления политических преобразований в эти годы: прекращение массового террора, отказ от неограниченной власти вождя и передача части властных полномочий партийно-государственному аппарату, ослабление цензуры, ориентация экономической политики на социальные нужды населения, смягчение внешнеполитического курса. Однако проводились эти преобразования непоследовательно и своего развития наметившиеся тенденции в те годы не получили. Более того, вся политика была направлена на сохранение фундаментальных основ сложившейся при Сталине системы: монополярной власти партии, коммунистической идеологии, цензуры, репрессивного аппарата, экстенсивной экономики. Экономические эксперименты Хрущева к началу 1960-х гг. вновь привели страну на грань кризиса. Вместе с тем оттепель дала мощный импульс развитию общественной и культурной жизни в стране, активизации независимого общественного мнения, улучшила благосостояние населения.

После отставки Н. С. Хрущева в 1964 г. политический курс в стране приобретает консервативный характер. Новая правящая «команда» Л. И. Брежнева отошла от либеральной политики, но и не могла уже возвратиться к сталинским методам управления, лавируя между двумя этими тенденциями. Частичная «ресталинизация» нашла свое выражение в укреплении монополярной власти партийно-государственного аппарата, в ужесточении цензуры и политических репрессий, в подновлении идеологии. Наряду с этим в первое брежневское десятилетие была достигнута определенная политическая стабильность в стране, повысился жизненный уровень народа. В это время дает о себе знать «демократический задел», достигнутый в годы оттепели: возникают далекие от официальной идеологии формы независимой общественной жизни, диссидентское движение. Вторая половина эпохи Брежнева характеризуется нарастанием системного кризиса в стране. Несменяемость власти высшего и среднего звена, ее при-

вилегированность и бесконтрольность к концу 1970-х гг. привели к одряхлению и разложению правящей элиты, к неспособности решать насущные для страны вопросы. Застывшие формы общественной жизни пришли в острое противоречие с потребностями постиндустриального развития. Политическая стабильность обернулась политической стагнацией. Кризис власти дополнился кризисом экстенсивной экономики, коммунистической идеологии, общественной морали, внешнеполитическим кризисом. Подавляющая часть общества оказалась в открытом или скрытом конфликте с властью: ей противостояли не только оппозиционные общественные настроения и движения (демократического, марксистского и просталинского характера), в том числе в среде значительно обнищавшего населения провинций, но и большинство потребительски настроенного к тому времени (и изрядно морально разложившегося на этой почве) народонаселения столиц страны (несмотря на свой конформизм, тоже потерявшего веру в высокие идеалы коммунизма). В середине 1980-х гг. сложившаяся ситуация привела к поиску новых путей реформирования политической системы — начался очередной демократический этап развития страны, получивший название перестройка.

Давайте подумаем.

На последний, послесталинский период существования коммунистического режима выпало, в общем-то, не так уж много времени. Однако в следующие годы (те же 30 лет) новая демократическая государственная модель в стране пока так и не сложилась, мы все еще переживаем некий переходный период, как-будто топчемся на месте (или движемся назад?). При формально существующих новых демократических реалиях — благодаря эволюции общества и борьбе правозащитников 1960—1980-х гг. права человека признаны в качестве базовой ценности — авторитарная вертикаль власти (по сути прежняя политическая система) продолжает воссоздаваться, не стимулируя тем самым и условий для развития эффективной конкурентноспособной экономики. В массовом общественном сознании жива ностальгия по тоталитарному прошлому, сильны, на взгляд автора, поверхностно воспринимаемые православные традиции. Все это вызывает непростые вопросы. Верно ли выбран нынешний путь развития страны? Почему движение к правовому демократическому государству происходит медленно и непоследовательно?

Или это естественно для такой страны, как наша? Насколько вообще совместимо русское (патриархально-патерналистское, православное) сознание, национальные государственно-исторические (авторитарные) традиции с демократической системой ценностей? Нужны ли нам многопартийная система, свободные выборы, отсутствие цензуры, гарантированные государством политические права и свободы и т.п.? Или для нас важнее безусловный приоритет государственных интересов, привычка следовать указаниям власти и не брать ответственность за судьбы страны на себя (следствием чего ведь и являются наше лояльное (конформистское) сознание и низкая цена индивидуальной жизни)? Придем ли мы когда-нибудь к европейской общественно-государственной модели или нас ждет особый, «национальный», тип демократии (с авторитарным уклоном, с широкой системой самоуправления на местах), а может быть — новый виток, вариант авторитарной власти?

Если мы хотим осмыслить происходящее сегодня и приблизиться к ответам на поставленные вопросы, необходимо хорошо знать свою историю, уметь опираться на приобретенный опыт, формировать собственное мнение. Немалое значение для понимания проблем новейшей отечественной истории имеет послесталинский период, называемый иногда «либеральным коммунизмом». Он включает два специфических этапа: десятилетие хрущевской оттепели и завершающую стадию советского тоталитаризма — так называемый период застоя. Вопреки всем традиционным представлениям о наших российских особенностях именно в это время с новой силой заявила о своих приоритетах и правах демократически настроенная часть российского (советского) общества.

Раздел I. Модернизация сталинского социализма. 1953–1964 гг.

Тема 1. Трансформация политического режима в стране

Причины смены политического курса
после смерти И. В. Сталина. Инициаторы реформ

Реакция в обществе на смерть Сталина

Кончина Сталина вызвала настоящее потрясение в обществе. Равнодушных к этому событию в стране не было — люди разделились на тех, кто тяжело переживал утрату любимого вождя, и тех, кто встретил известие о его смерти с подлинным ликованием. «Сталин был для нас богом, и когда он умер, мы как будто потеряли частичку себя» — такие чувства, выраженные одной москвичкой, испытывали многие. В ЦК КПСС приходили письма с выражением боли и скорби об утрате, с предложениями об увековечении памяти И. В. Сталина. Некто Козлов, например, предлагал расшифровывать аббревиатуру СССР как «Союз Советских Сталинских республик». Обсуждалось предложение о переименовании Москвы в Сталинодар. Мотивы подобных высказываний можно искать и в страхе, желании засвидетельствовать свою правоту, но такие настроения, без сомнения, преобладали.

Тысячи людей устремились в Москву, чтобы последний раз поклониться своему кумиру. Во время прощания с телом вождя в Колонном зале Дома Союзов в создавшейся давке погибло более полутысячи человек. Вот как описывает эти события поэт

Е. Евтушенко: «Это было жуткое, фантастическое зрелище. Люди, вливавшиеся сзади в этот поток, напирали и напирали. Толпа превратилась в страшный водоворот. (...) Вдруг я почувствовал, что иду по мягкому. Это было человеческое тело. Я поджал ноги, и так меня понесла толпа. (...) Мы были сдавлены с одной стороны стенами зданий, с другой — поставленными в ряд военными грузовиками. (...) И люди, швыряемые волной движения к грузовикам, разбивали головы о борта. Борта грузовиков были в крови. (...) И в этот момент я подумал о том человеке, которого мы хоронили, впервые с ненавистью». «День коронации царя на Ходынке померк по сравнению с днем смерти земного русского бога — рябого сына сапожника из Гори», — вспоминал писатель В. С. Гроссман.

Другие испытывали искреннюю радость. Драматург В. С. Розов говорил: «Надо смерти поставить памятник. Никто другой, кроме нее, не мог избавить нас от него». Такие чувства разделяла большая часть людей, разбросанных по многочисленным лагерям. Бывший заключенный и писатель А. Жигулин вспоминал, как в Озерлаге на оловянном руднике (Дальстрой), когда заиграла траурная музыка, «все обнимали и целовали друг друга, как на Пасху. И на бараках появились флаги. Красные советские флаги, но без траурных лент. Начальство не знало, что делать, — ведь на Бутугычаге было около 50 тыс. заключенных, а солдат с автоматами едва 120–150 человек. Ах! Какая была радость!» Не мог сдержать своей радости и Юз Алешковский, автор популярной лагерной песни «Товарищ Сталин, вы — большой ученый»: узнав о смерти, он бегал по зоне и кричал: «Гуталин подох!»

Реакция в обществе на смерть Сталина впервые выявила серьезный раскол в советском обществе, обозначила полярированность общественных настроений. Однако за столь разными эмоциями стояло и нечто общее — никто не знал, что будет дальше, люди боялись будущего и одновременно, каждая часть общества по-своему, надеялись на лучшее. Похожие настроения царили и в высшем эшелоне власти. Кто-то испытывал скорбь, кто-то — облегчение (а может быть, то и другое вместе), но главное — политический «вакуум» сильно встревожил партийную элиту. Это было связано с тем, что доставшаяся в наследство от вождя политическая и экономическая ситуация в стране на рубеже 1940–1950-х гг. оставалась очень сложной.

«Наследство» вождя

Проведенная в 1930-е гг. индустриализация укрепила экономическую мощь страны, превратив ее из аграрной в индустриальную державу. Однако достигнуто это было невероятным напряжением сил всего советского народа.

Развитие тяжелой промышленности осуществлялось в ущерб потребностям и нуждам населения. После войны все силы в очередной раз бросили на восстановление тяжелой индустрии. В стране даже был накоплен значительный золотой запас. Но, как ни парадоксально на первый взгляд, с окончанием войны советская экономика не утратила своей милитаризованной направленности — более того, именно военная промышленность на долгие годы стала основой экономического развития страны. Население же в результате такой политики и после войны по-прежнему бедствовало. Периодически объявлялось о снижении цен на важнейшие продукты питания — на самом деле они лишь опускались до уровня довоенных. Как и раньше, труднее всего приходилось деревне, где проживало более половины населения. В послевоенное время вновь повысили налоги на личные хозяйства, с которых в основном кормились крестьяне. Платить теперь приходилось не только за каждое домашнее животное или птицу, но даже за каждое дерево, растущее на своем участке. Есть сведения, что в начале 1950-х гг. Сталин предлагал увеличить налоги с колхозных и личных хозяйств еще на 40 млрд руб. (для сравнения: в 1952 г. за всю сданную в стране сельскохозяйственную продукцию государство заплатило крестьянам чуть больше 20 млрд руб.) Так как платить большинству было нечем, люди вырубали сады, забивали скотину (некоторые крестьяне спасались бегством из деревни). Одновременно с повышением налогов ограничивалась свобода торговли, процветавшая и поддерживавшая колхозников в годы войны.

Известная писательница, лауреат Сталинской премии, М. Смирнова, побывавшая в конце 1940-х гг. в командировке в деревнях Калужской области, пораженная увиденным, написала Сталину письмо, в котором сообщала, что крестьяне едят одну картошку, ею же кормят свиней, деньги за продажу поросят отдают на налоги, молоко для сдачи покупают в магазинах, живут со скотом, моются не мылом, а щелоком. К тому же в 1946—1947 гг. случилась сильная засуха, приведшая к голоду в ряде областей России, Молдавии, Украины. По воспоминаниям, обессиленных

коров, которые не могли подняться с земли, привязывали веревками, чтобы они могли стоять. Многие крестьяне по-прежнему видели главное зло в колхозах — в некоторых местах стали распространяться слухи, что их скоро отменят.

Социальную напряженность в обществе усиливал идеологический «пресс» и произвол репрессивных органов. Конец 1940-х гг. был отмечен борьбой с «космополитами», разгромом генетики, осуждением целого ряда писателей, композиторов, кинорежиссеров, новыми политическими процессами, самым известным из которых стало «ленинградское дело». Тяжелая ситуация оставалась в лагерях. При скудном питании, плохих условиях труда и быта заключенные работали на «стройках социализма» по 10 часов в сутки. Жизнь в лагерях подробно описали в своих произведениях Е. Гинзбург, В. Шаламов, А. Солженицын. Известны случаи лагерных восстаний еще при жизни Сталина — на востоке в районе Салехарда, на севере в Печорском районе.

Таким образом, деревня и ГУЛАГ стали главными «болевыми точками» развития страны в начале 1950-х гг.

После войны изменилась общественная атмосфера в стране. В экстремальных условиях военного времени люди научились самостоятельно думать и брать на себя ответственность. Побывавшие в Европе солдаты и офицеры впервые увидели, как живут люди в других странах. Невольное сравнение со своей родиной оказывалось зачастую не в ее пользу. Многие вернувшиеся с войны фронтовики осознавали необходимость перемен. В послевоенные годы в органы власти приходили письма с вопросами, когда улучшится снабжение в городах, наладится жизнь в деревне, с предложениями преобразований в разных сферах общественной жизни. Такие же вопросы задавали агитаторам (когда будет довольство хлеба, молока, сахара и других продуктов). Ожидала либерализации и творческая интеллигенция, некоторые представители которой в годы войны и после нее сумели создать искренние правдивые произведения, не вполне вписывавшиеся в каноны соцреализма (К. Симонов, А. Твардовский, В. Некрасов, В. Овечкин и др.). Эта своеобразная десталинизация «снизу» предшествовала и, вероятно, во многом способствовала официальной оттепели.

Планы нового руководства

В сложившихся условиях главной заботой новых руководителей страны было обеспечение преемственности власти. Легитимного механизма ее передачи не существовало — руководителей

на высшие должности в стране назначал лично Сталин, поэтому борьба за власть, усилившаяся уже в последние годы его жизни, после смерти вождя лишь обострилась. Сопределение по поводу раздела власти прошло в узком кругу ближайших соратников Сталина в последние часы его жизни. Собранные без созыва пленума значительно уменьшили состав Президиума ЦК (вывели из него членов, впервые избранных на XIX съезде по инициативе вождя, желавшего опереться на своих новых выдвиженцев, не слишком уже доверяя ближайшему кругу, упразднили Бюро Президиума, личный секретариат Сталина) и включили в его новый состав всех присутствующих. В Президиум ЦК вошли: Г. М. Маленков, Л. П. Берия, Н. С. Хрущев, В. М. Молотов, Л. Г. Каганович, К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, А. И. Микоян.

Важнейшие посты в государстве и партии были поделены так: председателем Совета Министров (СМ) СССР стал Г. Маленков, вновь объединенные министерства внутренних дел и госбезопасности возглавил Л. Берия, партийные дела достались Н. Хрущеву — до сентября 1953 г. он являлся одним из секретарей ЦК, но по сути главным лицом в партии, а на сентябрьском пленуме ЦК был избран Первым секретарем ЦК КПСС. Таким образом совмещавшиеся Сталиным посты — лидера партии и председателя правительства — оказались разделены. Министром обороны стал Н. Булганин, министром иностранных дел — В. Молотов. Еще одна высшая, но фактически номинальная должность — председателя Президиума Верховного Совета (ВС) СССР — досталась К. Е. Ворошилову. Основное соперничество за власть происходило между группировками Берия—Маленков и Хрущев—Булганин, так или иначе настроенных в целом реформаторски. Но взять реванш надеялась и консервативная «старая гвардия» (В. М. Молотов, Л. Г. Каганович, К. Е. Ворошилов).

Преемники Сталина знали положение дел в стране, общественные настроения и понимали необходимость перемен. По-прежнему сдерживать ситуацию с помощью административных и репрессивных мер они уже, вероятно, просто не могли. В уставшей от репрессий стране для этого нужен был новый харизматический лидер, равный по авторитету Сталину, — но его не было. Чтобы как-то нормализовать политическую ситуацию, не допустить социального взрыва и одновременно обезопасить от репрессий и свою жизнь, новое руководство решило ослабить давление государства на общество. По мнению многих

исследователей, именно этот политический расчет, а не нравственное желание покончить со сталинским наследием сыграл решающую роль в выборе нового политического курса — на частичную десталинизацию, не затрагивающую фундаментальных основ сложившейся системы.

Необходимость определенных изменений осознавалась в послевоенное время и самим Сталиным. Ряд инициатив, взятых на вооружение его наследниками, уже существовал при нем, но не приобрел тогда в силу разных причин характер тенденции. Это касается предложений команды Жданова–Вознесенского по переориентации экономической политики (в частности, по развитию производства товаров потребления), идеи об объединении Германии (но «социалистической», историк А. Пыжиков считает ее инициатором самого Сталина, — правда, она не стала определяющей и в годы оттепели), концепции общенародного государства и курса на построение коммунизма (материалы XIX съезда свидетельствуют об этом). Какова могла стать судьба всех этих начинаний в сталинское время неизвестно, но они «витали в воздухе».

У гроба вождя Берия и Маленков впервые говорили о необходимости охраны прав граждан, записанных в сталинской конституции. Через пять дней после смерти Сталина на заседании Президиума ЦК Г. Маленков заявил о необходимости прекратить «политику культа личности». Но четкой согласованной программы действий выработано не было. Члены Президиума имели разные взгляды на приоритеты и глубину политических изменений. Берия и Маленков, более других обеспокоенные проводимой Сталиным политикой, еще при его жизни вынашивали планы преобразований. Именно они и позже Хрущев (этот своеобразный «триумvirат») стали инициаторами реформ в стране.

На первом этапе наиболее активно вел себя Л. П. Берия. Парадоксы в истории случаются довольно часто — в нашем случае человек, долгие годы являвшийся правой рукой Сталина, главой наводившего на всех ужас НКВД и сам не раз выступавший в роли палача, вдруг обернулся либералом. Историк А. Авторханов пишет: «Как политик он был намного выше своих коллег и понимал, что Сталиным кончалась целая эпоха... Не из любви к народу, не из ненависти к Сталину и не из раскаяния в содеянных преступлениях, а исходя из политических расчетов и личных интересов в новых условиях, Берия решил возглавить движение за реформы».

Что касается Н. С. Хрущева, то весной 1953 г. он, вероятно, все еще поклонялся умершему «хозяину». Историк Л. Опенкин отмечает, что именно Хрущев предложил поставить саркофаг с телом Сталина в Мавзолей Ленина, а затем соорудить для почившего вождя отдельный пантеон на Ленинских горах.

Первые преобразования в политической сфере

Смягчение репрессивной политики

Первоначальные действия затрагивали отмеченные «болевые точки» и были направлены на снятие избыточных напряжений в обществе.

Изменения в репрессивной политике начались с прекращения арестов и политических дел последнего времени («мингрельское дело», «дело врачей», «дело авиаторов»).

4 апреля «Правда» напечатала сообщение МВД о фабрикации «дела врачей». «Проверка показала, — говорилось в сообщении, — что обвинения (...) являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными. Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами методов следствия». Здесь же было помещено сообщение об отмене Указа о награждении орденом Ленина врача Л. Тимашук, донос которой стал толчком к фабрикации «дела». Публикация получила широкий резонанс — после царившей в обществе атмосферы подозрительности облегченно вздохнули и врачи, и их пациенты, появились надежды на дальнейшее восстановление законности. Все привлеченные по делу врачи были освобождены из-под стражи и полностью реабилитированы, а виновные в незаконном ведении следствия арестованы (но бывшего министра госбезопасности С. Игнатьева лишь перевели на другую работу). Эти события получили отражение в романе В. Аксенова «Московская сага».

Вскоре вышел негласный приказ министра внутренних дел, запрещающий пытки и фабрикацию дел по политическим мотивам. В органах безопасности стали ликвидировать специально оборудованные пыточные камеры, уничтожать орудия пыток.

Одновременно начиналось постепенное, пока негласное освобождение заключенных из лагерей и их реабилитация. На март 1953 г. в местах лишения свободы, по разным сведениям, находилось до 10 млн заключенных (вместе со спецпоселенцами и ссыльными). Первыми вернулись домой родственники высшего руководства — жены Молотова и Калинина, невестка Хрущева, ряд известных военных руководителей, в том числе маршалы авиации А. Новиков, Г. Ворожейкин, был реабилитирован брат Л. Кагановича.

В марте 1953 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии (ее называют «бериевской» и «ворошиловской» — инициатива принадлежала Берии, а подписал Указ Ворошилов). Амнистия не коснулась убийц и бандитов и не затронула еще политических заключенных. Большая часть освобожденных имела уголовные статьи сроком до 5 лет — в основном за хозяйственные, должностные преступления, прогулы и опоздания на работу. На свободу вышло более 1 млн человек. Есть версия, что на основании тайной инструкции Берии под амнистию попали и злостные преступники (грабители, убийцы), которые, если строго придерживаться текста амнистии, должны были оставаться в лагерях, — тем самым Берия якобы хотел осложнить обстановку в стране и продлить пребывание в городах, особенно в Москве, специальных войск МВД.

Эта акция в исторической литературе оценивается неоднозначно. С одной стороны, недостаточная ее подготовленность (многие из освобожденных не имели жилья и работы) и выход на свободу людей с криминальным опытом спровоцировали волну грабежей и разбоев. С другой стороны, амнистия нанесла значительный удар по сталинской репрессивной системе. На свободу вышло много людей из социально незащищенных категорий населения: женщин с детьми, больных, стариков. Сам факт Указа об амнистии именно этой категории заключенных признавал необходимость пересмотра законодательства в плане замены уголовной ответственности за некоторые должностные, хозяйственные, бытовые преступления мерами административного и дисциплинарного порядка. Известно, например, что распространенной, но очевидно неадекватной мерой наказания за прогул или опоздание в сталинское время было тюремное заключение. Поэтому амнистию нередко оценивают как реальный шаг к гуманизации уголовного законодательства, который получил развитие в принятии нового УК РСФСР 1960 г.

Начала разрушаться империя ГУЛАГа. Многие предприятия и стройки передавались из подчинения МВД отраслевым министерствам, часть лагерей — министерству юстиции (Минюст осуществлял контроль за действиями органов внутренних дел и госбезопасности). Были приостановлены такие «великие стройки коммунизма», как железная дорога Салехард — Игарка, Байкало-Амурская магистраль, Волго-Балтийский водный путь и др. Стал смягчаться режим в лагерях.

Переход к «коллективному руководству»

Сталинский террор объяснялся сложившимся в 1930-е гг. культом личности. Поэтому «восстановление социалистической законности» сопровождалось и «восстановлением демократических норм партийной и общественной жизни», что на деле означало трансформацию режима личной власти. Ослабла пропаганда культа Сталина: значительно сократилось количество статей о вожде и его фотографий в прессе, на 13-м томе был приостановлен выпуск его собрания сочинений, хвалебных славословий со стороны высшего руководства стало значительно меньше. Берия даже распорядился о запрете нести на демонстрациях портреты Сталина и нынешних руководителей страны. Однако официальное отношение к бывшему вождю кардинально не изменилось — еще в течение нескольких лет в кабинетах чиновников висели его портреты, на улицах стояли памятники, предприятия и организации носили имя Сталина.

На июльском пленуме ЦК 1953 г. было заявлено, что власть в стране отныне принадлежит «коллективному руководству». По первоначальному замыслу Л. Берии и Г. Маленкова, новая система власти предполагала определенное равновесие между партийной и правительственной властью в лице Президиума ЦК и Совета Министров СССР (положение последнего с предвоенного периода рассматривалось даже выше ЦК). Разделив высшие посты партийной и государственной власти, Берия, возможно, намеревался усилить роль Совета Министров и потеснить Президиум ЦК от реальной власти. Половина состава Президиума ЦК в 1953 г. состояла из представителей Совмина, а его председатель должен был вести заседания Президиума ЦК. Подобная модель напоминала демократический принцип разделения властей, препятствовала сосредоточению власти в стране в одних руках.

Новые акценты в национальной и внешней политике

Л. Берия подготовил Записки в ЦК о положении в прибалтийских республиках, Западной Украине, Западной Белоруссии.

С целью нейтрализовать широко распространенные в них националистические настроения он предлагал ряд мер: выдвижение на высшие посты национальных кадров (так называемая коренизация власти), предоставление большей свободы в использовании родного языка, переход ряда предприятий в республиканское подчинение и др. Существует даже версия (озвученная в наши дни тележурналистами), что Берия освободил из лагеря и предложил руководящий пост в Латвии одному из руководителей партизанского движения «лесные братья» (арест самого Берии не дал осуществиться этому замыслу). Историками эта информация пока не подтверждается.

В области внешней политики Берия предлагал объединить нейтральную Германию (как буржуазно-демократическое государство) и наладить отношения с Югославией. Таким образом, тенденция на сближение со странами Запада и изменение отношений со странами «соцлагеря» тоже возникла в первый период по инициативе главы МВД.

Борьба за власть в высшем руководстве

Подходы главных «реформаторов» к преобразованиям существенно отличались. С первых же дней между ними разгорелась неизбежная в тяготевшей к монолидерству политической системе борьба за власть, которая одновременно являлась борьбой и за свой вариант реформ. Развитие политической ситуации во многом зависело от того, кто из первых руководителей окажется в этом противостоянии победителем. Борьбу возглавил и вышел из нее победителем Н. С. Хрущев.

Первая «жертва»

Реформаторские инициативы Л. П. Берии усиливали его личное влияние. Зная жестокость и цинизм этого человека, а также возможности возглавляемого им ведомства, многие в Президиуме ЦК были обеспокоены его активностью. Неприятие Хрущева и других вызывал отказ Берии от курса на построение социализма в Восточной Германии, его желание ограничить прерогативы партии областью чистой политики. Есть сведения, что в руки Хрущеву также попала записка одного из руководителей украинского подполья, где в качестве нового «хозяина» страны назывался Л. Берия, что, конечно, не могло не возмутить

(и не беспокоить) Никиту Сергеевича. Именно он сумел убедить всех в необходимости устранить Берия от власти. Маленкову, например, он говорил: «Послушай, разве ты не видишь, куда все это ведет?.. Берия ножи точит... Пора дать отпор... Мы должны отвергнуть его планы». Лишь А. И. Микоян придерживался особой позиции. Он считал, что «Берия, действительно, имеет отрицательные качества, но он не безнадёжен, в составе коллектива может работать». Против министра внутренних дел было выдвинуто обвинение в подготовке заговора с целью установления личной диктатуры. В качестве его подтверждения приводились такие косвенные доказательства, как руководство могущественными органами и сосредоточение вокруг Москвы подчиненных Берии внутренних войск (сам он объяснял это необходимостью обеспечить безопасность столицы после объявления амнистии). На сегодняшний день эта версия документально не подтверждается.

Л. Берия арестовали в июне 1953 г. на заседании Президиума ЦК. Инициативу Хрущева поддержала армия в лице маршала Г. Жукова, который вместе с генералом К. Москаленко произвел арест. В июле состоялся упоминавшийся пленум ЦК, рассмотревший вопрос «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии» и передавший власть «коллективному руководству». Звучавшие на пленуме обвинения мало чем отличались от стандартных фальшивых формулировок прошлых лет. Берия объявлялся шпионом иностранных разведок, втершимся в доверие Сталина, и врагом народа. Ему ставился в вину и ряд мер последнего времени, с тем чтобы дискредитировать его как реформатора (проведение амнистии, расстановка «своих» кадров в подчиненном ему ведомстве, бесконтрольность МВД). Л. П. Берия исключили из партии, сняли со всех постов, дело передали на рассмотрение Верховного Суда СССР.

До конца года «особо опасный государственный преступник» содержался в бункере московского военного округа. Ему не помогли письма, которые Лаврентий Павлович писал из тюрьмы своим бывшим соратникам, обращаясь к ним по-товарищески на «ты». В них Берия каялся во многих грехах, но не признавал обвинений в диктаторских намерениях. В декабре 1953 г. специальное судебное присутствие Верховного Суда СССР под председательством маршала И. С. Конева приговорило Л. П. Берия и еще нескольких высокопоставленных руководителей органов

госбезопасности (В. Н. Меркулова, В. Г. Деканозова, Б. З. Кобулова, П. Я. Мешика и др.) по ст. 58 «за измену Родине, совершение террористических актов в антисоветской изменнической группе» к высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией личного имущества, с лишением воинских званий и наград. Тогда же приговор привели в исполнение.

С правовой точки зрения «дело Берии» не выдерживает критики. Иностранцем шпионом он никогда не был. Как непосредственный исполнитель смертных приговоров, Берия, конечно, нес ответственность за массовый террор, и, наверное, больше других. Однако прямых обвинений в этом ему даже не предъявляли. Кроме того, ответственность вместе с ним разделяли сам Сталин и все его бывшие соратники, ставившие под приговорами свои подписи, а теперь судившие одного Берия. Многие уже тогда недоумевали по этому поводу. Дипломат О. Трояновский пишет о своей реакции на пленум в то время: «...как мог Берия и иже с ним творить свои злодеяния без ведома Сталина? Какова была роль нашего кормчего во всех этих делах?»

Устранение Берии решало для высшего руководства сразу несколько задач. Хрущев расчистил себе путь для дальнейшего продвижения к вершине власти. Соратники Сталина снимали с себя вину за творившиеся в стране беззакония и перекладывали ее на «главного виновника» Л. Берия. Сразу после его ареста были уничтожены хранившиеся в его личном сейфе досье на всех членов Президиума, проливающие свет на их причастность к репрессиям. Объявление Берии «агентом международного империализма» давало также возможность вывести причины террора за пределы существующей системы — объяснить их происками империалистов, как это часто бывало. Однако впоследствии в своих воспоминаниях сам Хрущев признавал: «И все же не Берия выдумал Сталина, а Сталин выдумал Берия. До Берии в НКВД был Ягода. Из него Сталин сделал преступника, руками его людей убив Кирова. После Ягоды был Ежов, Сталин сделал и из него убийцу». Но тогда имя Сталина еще оставалось неприкосновенным.

Фигура Берии наравне со Сталиным, а может быть и больше, олицетворяла собой политику террора в глазах общества. Поэтому «дело Берии» приобрело большой общественный резонанс и породило надежды на реальные изменения в стране. С другой стороны, арест Берии, как и в прошлые годы, вызвал бурное не-

годование трудящихся, словно по традиции соревновавшихся в изощренности сильнее заклеить очередного обнаруженного врага. Например, гражданка Алексеева из Днепропетровской области прислала в ЦК такие стихи:

Я не прошу.
Я требую по праву
Стереть с лица земли тебя змею.
Ты меч поднял на честь мою и славу.
Пусть он обрушится на голову твою.

Каковы были планы Л. Берии на самом деле — еще предстоит прояснить историкам. Сегодня спорят о трех возможных версиях. Сторонники первой соглашаются с мнением о личном заговоре. В этом случае, останься Берия у власти, страну, вероятно, ждала новая диктатура. Разделяющие вторую версию говорят о готовности Берии оставаться на втором плане, принимая посильное участие в преобразованиях. Третьи высказывают предположение о намерении министра проводить масштабные реформы, направленные на подлинную демократизацию политического режима. В этом случае перестройка в стране могла наступить на тридцать лет раньше. Третья версия все же кажется маловероятной: ей противоречит диктаторский склад характера «первого реформатора». Вторая — самая правдоподобная. Активность Берии объясняется желанием избавиться от закрепившегося за ним кровавого имиджа, ему представилась такая возможность. Так или иначе, но одна из альтернатив хрущевской оттепели была связана с именем этого человека.

Отставка Г. М. Маленкова

Вскоре не у дел оказался и Г. Маленков. Наиболее образованный и интеллигентный человек из окружения Сталина, практически не занимавший никогда первые руководящие роли, имея дело по большей части с бумагами, он был гораздо более слабым противником, чем Берия. В течение 1953—1954 гг. обозначились разные подходы Хрущева и Маленкова к ключевым проблемам экономики и внешней политики. Первый придерживался традиционных для сталинского социализма экстенсивных форм хозяйствования, второй пытался возродить тенденцию на интенсивное экономическое развитие (в частности, был противником освоения целины). Маленков последовательнее выступал за открытость в отношениях со странами Запада. Хрущев оставался

приверженцем непримиримой борьбы двух враждебных идеологий. Маленков резко критиковал руководящий аппарат за бюрократизм и моральное разложение. Большинство в Президиуме ЦК поддержало Хрущева.

Под влиянием меняющейся атмосферы в обществе соперничество между Хрущевым и Маленковым все больше переходило в плоскость публичной политики. В 1954 г. шел пересмотр «ленинградского дела». Репрессированные ленинградские руководители были реабилитированы, а министр госбезопасности Абакумов и его заместители расстреляны. В ходе пересмотра выявилась причастность к организации «дела» Г. Маленкова. В руках у Хрущева оказался выгодный козырь, которым он не преминул воспользоваться. В январе 1955 г. на партийном пленуме Маленкову был предъявлен ряд претензий, среди которых: следование правоуклонистским идеям Бухарина и Рыкова, ошибочные внешнеполитические взгляды, слабые организаторские способности, причастность к фабрикации «ленинградского дела». Через месяц на сессии Верховного Совета СССР Г. М. Маленков сам сделал заявление с просьбой об отставке. Его место занял лояльный Хрущеву бывший министр обороны Н. А. Булганин. Маленков остался в правительстве в качестве министра электростанций.

Возможная альтернатива Хрущеву в лице Маленкова, по мнению некоторых историков, сопоставима с китайским вариантом реформ, суть которого в развитии интенсивной экономики при сохранении авторитарной власти. Уход Г. Маленкова значительно укрепил позиции Н. Хрущева — он становится единственным лидером в партии и государстве.

Н. С. Хрущев

Постепенное освобождение от сталинского наследия, начатое в годы оттепели, оказалось в истории связано с именем Н. С. Хрущева. Как и у его предшественников, у него не было продуманной и четкой программы преобразований. Он, по сути, продолжил первые начинания, к тому же многое загубил. Личность этого человека, по-своему желавшего блага своей стране, оказала сильное влияние на все, что происходило во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг.

Сталинский соратник

На первый взгляд, в личности Хрущева не было ничего примечательного. Соперники в борьбе за власть даже не рассматривали его в качестве серьезного противника. В отличие от Берии и Маленкова Хрущев, по крайней мере внешне, всегда был предан вождю. Он в значительной мере причастен к организации массовых репрессий (особенно после войны на Украине). В славословиях Сталину превосходил многих, например в короткой речи на XVIII съезде умудрился 26 раз упомянуть имя вождя. В угоду «хозяйину» Н. Хрущев часто разыгрывал шута: на традиционных ночных попойках у Сталина плясал гопака, рассказывал анекдоты, не гнушаясь крепкого «словца», как, впрочем, было принято в узком сталинском кругу.

Наверное, Хрущев не раз сомневался в правоте Сталина. Во время голода на Украине он был единственным, кто осмелился доложить вождю о случаях людоедства и просить помощи. Он на собственном опыте знал, что репрессиям подвергаются невинные: после гибели на войне его сына в тюрьме оказалась невестка. Однако не только страх, но и несомненное преклонение перед авторитетом «верного ленинца» Сталина делали Хрущева при жизни вождя одним из самых близких его соратников.

Вехи биографии

Никита Сергеевич Хрущев родился 17 апреля 1894 г. в с. Калиновка Курской губернии в крестьянской семье. В детстве, помогая взрослым, пас коров. В 1908 г. семья переезжает на Украину, под Юзовку в Донбассе. Здесь Никита работает слесарем на заводах и шахтах, принимает участие в рабочем движении. После революции красногвардеец Хрущев участвует в гражданской войне, вступает в партию большевиков. После победы советской власти возвращается в Донбасс. Отсюда и началась его типичная для партийного руководителя карьера: Никита Хрущев занимается политической работой в одном из районных управлений шахтами, становится секретарем райкома — на этом посту знакомится и сближается с Л. Кагановичем, в тот момент первым секретарем ЦК ВКП(б) Украины. В 1929 г. Н. Хрущев поступает в Промышленную академию в Москве, которая готовила партийно-хозяйственные кадры (здесь он учится вместе с женой Сталина Н. Аллилуевой, протекция которой, как считают некоторые историки, сыграла не последнюю роль в дальнейшем карьерном продвижении